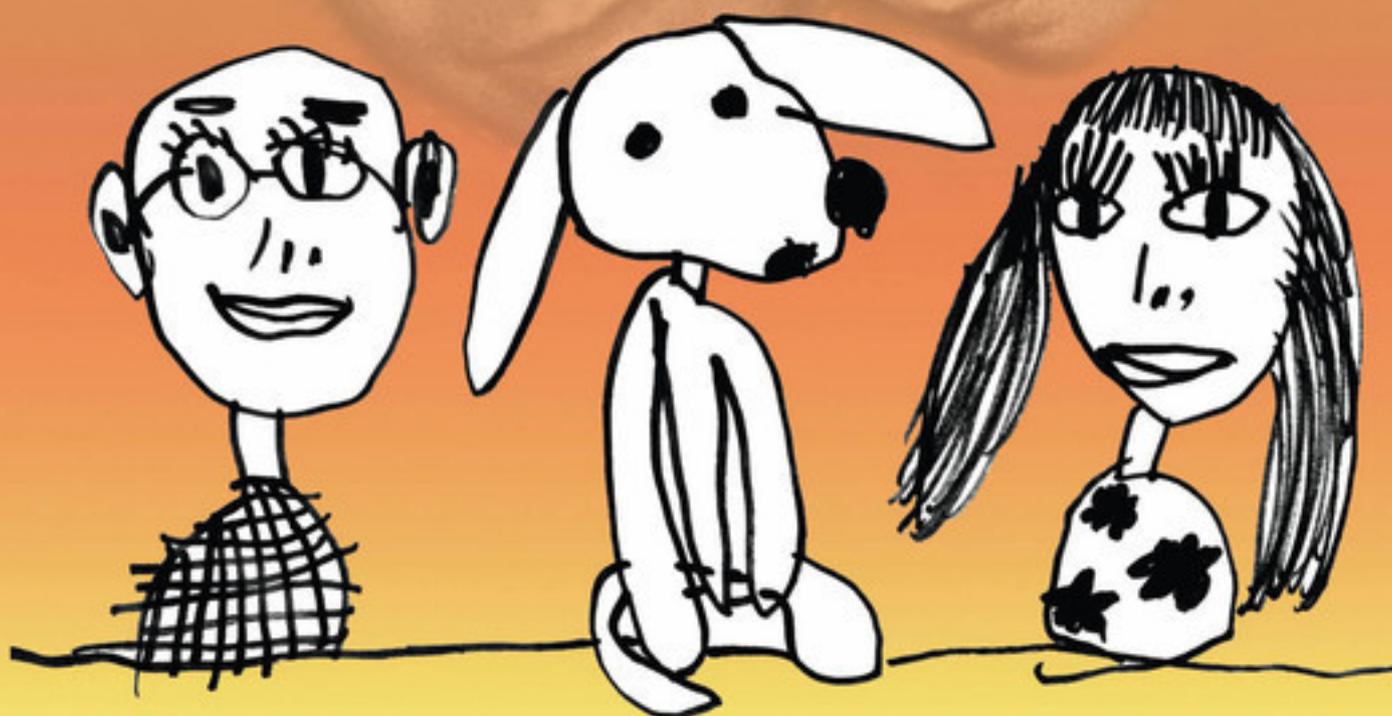

Маша Левитина 6-ти лет
Михаил Левитин 64-х лет

Про то, как Вакса
гуляла-гуляла,
гуляла-гуляла...

ТЕКСТ

Михаил Левитин

**Про то, как Вакса гуляла-
гуляла, гуляла-гуляла**

«WebKniga»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84Р6-442

Левитин М.

Про то, как Вакса гуляла-гуляла, гуляла-гуляла /
М. Левитин — «WebKniga», 2013

ISBN 978-5-7516-1092-0

Михаил Левитин - театральный режиссер, драматург, прозаик, художественный руководитель театра "Эрмитаж" - написал рассказ о Ваксе, белой плюшевой собачке, которая, хотя она и игрушка, умеет грустить, радоваться, плакать, удивляться, любить, смеяться, скучать, а иногда у нее даже бьется сердце. История Ваксы длинная и непростая, и она неотделима от истории детства Маши, дочки Михаила Левитина, которой удалось краешком глаза заглянуть в волшебный мир, из которого пришла Вакса. И в этом ей, конечно, помогли сказки выдумщика-папы про приключения любимой игрушки - про то, как Вакса гуляла-гуляла, гуляла-гуляла...

УДК 821.161.1

ББК 84Р6-442

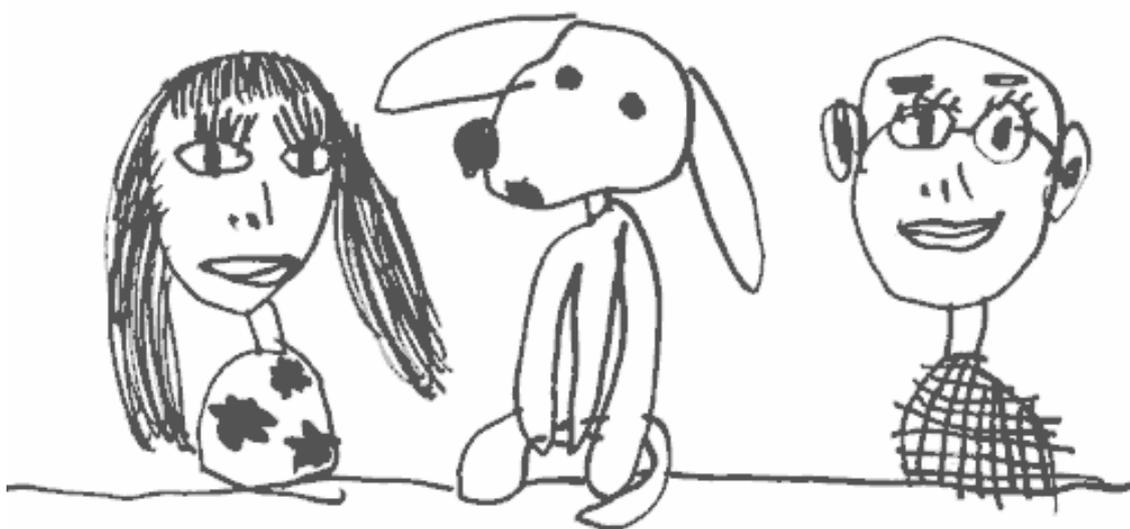
ISBN 978-5-7516-1092-0

© Левитин М., 2013

© WebKniga, 2013

Маша Левитина 6-ти лет, Михаил Левитин 64-х лет Про то, как Вакса гуляла- гуляла, гуляла – гуляла...

*Мы писали эту книгу вместе, но мы не знали, что думает
каждый из нас.*

Не откуси бульдог Ваксе нос, этой книги не было бы. Очень симпатичный нос. Почти как твой, моя маленькая. Но посягнуть на твой пес не посмел. Я бы ему уши оторвал. А Ваксу ты оставила без защиты.

Так что я первым забеспокоился, что Вакса может исчезнуть из мира раньше меня. А я знаю, как тебе этого не хочется.

– Мне и тебя жалко, папа.

– Знаю. Но Ваксу больше.

Нам обоим было жалко Ваксу больше всех на свете. Ее подарил Маше мой лучший друг Санька в Новый год в Германии. Мы приехали к нему в гости. Там он и увидел впервые мою дочь, а она – Ваксу.

Мой друг небогат. Вакса куплена за малые деньги. Но так удачно, что сразу, как только мы ее развернули, прыгнула в самое сердце. И где они с женой разыскали такую симпатичную игрушку? Похожа на все мягкие игрушки сразу, но глаза расставлены как-то иначе, чуть-чуть разумней, и носик кожаный вздернут. Такая ладная, очень дружелюбная собачка. А какую другую мог подарить мой друг, способный терпеть меня вот уже больше пятидесяти лет?

Машка как обняла ее в ту новогоднюю ночь, так до сих пор и держит.

Когда она рисует, Вакса рядом, они перешептываются, Вакса – большой колорист. Когда играет на пианино, играет для Ваксы, так ответственной. Когда ест, Ваксе перепадают лучшие кусочки. Когда спит, то под одним одеялом с Ваксой, приобняв ее, да так мило, что стоит зажечь лампу ночью и склониться над ними, как сразу становится видно – до чего же у них похожи носы, торчат и посапывают.

Вот на один из этих носов и посягнул французский бульдог по имени Швейк. Он был тоже подарочный. Я достал его из клеенчатой сумки прямо на сцене театра, где шел поставленный мной спектакль, а Маша выбежала из зала на сцену навстречу мне – взглянуть, что там шевелится в сумке, а там в полном недоумении пыхтел Швейк, которого я извлек, чтобы показать дочке, а заодно и залу. Мне нужно было много успеть: и достать его осторожно, не повредив, и объяснить залу, что это я такое достаю и с какой стати, и, убедившись, что Маше понравился мой подарок, передать и дочку, и бульдога моей жене, стоящей у сцены, чтобы они втроем скорей вернулись домой и там уже вместе с гостями обсуждали, как ловко было мной все проделано.

В этом спектакле возможны были любые чудеса, и появление бульдога из клеенчатой сумки тоже. Так что никто из зрителей не удивился, когда я объяснил, что делаю этот подарок своей маленькой дочке не бескорыстно, что всю жизнь мечтал иметь французского бульдога, но повода не было. А тут такой мощный повод – ее шестой день рождения!

Так что я схитрил в надежде, что она простит меня. И она, конечно, простила, что ей меня прощать – у нее была Вакса! А откуда и по какой причине берутся другие подарки – это уже не важно. Она только крикнула:

– Мама, смотри, какой симпатичный песик!

И кажется, даже забыла меня поцеловать.

В конце концов, я больше всех виноват, что, воплотив свою мечту о бульдоге, подверг жизнь Ваксы смертельной опасности.

– Папа, он мог выцарапать ей и глаза!

– Конечно. Поэтому я и спрашиваю тебя каждый день – убрала ли ты Ваксу куда-нибудь повыше, он же научился вспрыгивать на постель.

– Я ужасный друг, – сказала Маша, прижимая Ваксу к себе. – Я предала дружбу. Ты бы никогда не оставил Саньку одного, наедине с бульдогом.

– Ну, он как-нибудь справился бы, – попробовал отшутиться я, но она рыдала. И горе ее было безутешным, пока мама не нашла способ пристроить Ваксе очень похожий носик, другой игрушки, до которой Швейк еще не успел добраться, и все стало почти по-прежнему.

– Тебе не больно? – спрашивала Маша после произведенной операции. – Теперь ты можешь дышать? Ведь тебе нечем было дышать!

Не знаю, что отвечала ей обретшая прежний вид собачка, но постепенно все успокоилось.

Все успокоилось – с новой любовью, новой силой, но только не во мне. Я вспомнил все и снова стал несчастен.

Вакса была не Вакса. Вернее, не та Вакса, что подарил мой друг в немецкую новогоднюю ночь. И вовсе не потому, что у нее откусили нос, а потому что ее подменили. Уже давно. Это была подмененная Вакса. Очень похожа на прежнюю, но другая.

Та Вакса, беленькая, с коротким хвостом, через два года после нашего приезда из Германии была потеряна Машей на базаре, куда она пошла за яблоками с бабушкой. А эта, золотистая с длинным хвостом и очень-очень похожая, была после долгих поисков куплена нами в магазине и выдана Маше за ту, потерянную.

– Это не Вакса, – сказала Маша. – Вакса – беленькая, и хвоста у нее почти не было.

– Взгляни, какое солнце, – весело сказал я. – Она загорела на базаре, пока мы ее искали. И хвост успел отрасти. Но мордочка! Ты взгляни на мордочку, разве это не Вакса?

Она долго думала, разглядывая игрушку, потом сказала:

– Наверное. Только почему она такая чистенькая? Моя была линиялей.

– Но она вернулась! Разве ты не видишь, что она прямо-таки сияет от радости?

Долго она еще думала что-то про себя, несколько дней, осторожно разглядывая Ваксу, лежащую поодаль, спала одна, не брала собачку в постель, держала на табуретке, потом начала обращаться к ней с какими-то незначущими вопросами, та, вероятно, что-то дельное отвечала, потому что через несколько дней Маша принесла игрушку ко мне и сказала:

– Ты прав, папочка, все-таки это и есть моя Вакса, хотя и не совсем на себя похожа.

Я стал снова что-то говорить о солнце, но она прервала меня.

– Я думаю, – сказала она, – что со временем она снова побелеет и станет прежней. Вот только куда девать хвостик?

Я замер. Но с этого дня Маша снова развеселилась и вернула Ваксу в постель.

Но вот что удивительно! Если вернуться назад, потерю той, прежней Ваксы первой обнаружила бабушка. Маша в то время была отвлечена чем-то другим, может быть мыслями о Ваксе. Может быть, так слилась с ней физически, что себя самой было ей достаточно, ведь они с Ваксой одно и то же. Вакса была и будет всегда. Если нет под мышкой, значит, обнаружится в доме.

Маша даже забыла, что бабушка просила не брать собачку с собой на рынок. Но Маша взяла. Или не взяла? Какая разница! Вакса была с ней, Вакса была ею, Вакса никуда не денется.

Но Вакса делась. Она пропала насовсем, и никакие безутешные Машины слезы не помогли. Они обегали весь рынок, искали на всем пути от рынка к дому, Ваксы не было. Бабушка и рада была поверить, что Маша собачку с собой не брала. Но она брала! Потому что и дома Вакса не обнаружилась.

– Я не хочу без нее жить, – сказала Маша. – Позвони маме.

– Хорошо, – сказала бабушка. – Поищем еще немного, и я позвоню бабушке.

В растерянности она так и сказала – «позвоню бабушке».

– Как можно позвонить самой себе? – спросила Маша. – Может быть, ты хотела позвонить бабушке Полине, но она уже давно умерла, а у души телефона нет! – И заплакала. Разговор приобретал трагический характер, надо было что-то сделать. Бабушка позвонила маме, но застала дома меня, и, услышав о потере Ваксы, я понял, что все кончено, и почувствовал такое отчаянье, какое не посещало меня, может быть, со времен потери отца.

Эта игрушка была единственной ценностью, единственной связью между мной и дочерью. И как она такое сделала с нами?

Я понимал, что все содержание нашей жизни с той новогодней ночи в Германии заключено в этой самой Ваксе, и даже сказки, которые я каждый вечер рассказывал им обоим перед

сном, были про то, как Вакса гуляла-гуляла, гуляла-гуляла и вдруг оказывалась... Не знаю – с кем, не помню – где.

Сказки коротенькие, как отговорки, возникали мгновенно и тут же исчезали.

Потом я должен был на мотив колыбельной пропеть то, что только что рассказывал. Я спешил, рифмы не укладывались в размер колыбельной и становились разрядкой после, как ей казалось, волнующей и увлекательной сказки.

«...но это еще не все. Она поняла, что стоит на крокодиле, только когда зажглись внезапно два его огромных глаза, и он все пытался так извернуться, чтобы ослепить ими Ваксу и свалить в воду, но собачка продолжала держаться стойко, зажмурившись, не переставая думать о Маше, нужно было только дожидаться утра. Утром, она это твердо знала, крокодились глаза погаснут и взойдет солнце...»

После сказки и пения Маша просила глоток воды, я приносил, и она тут же засыпала, чтобы пережить во сне все услышанное про Ваксу. Это стало моей работой.

Попробуйте заставить человека, затерянного в собственных мыслях, рассказывать в течение двух лет сказки про одну и ту же героиню, да еще когда на тебя из темноты смотрят две пары внимательных глаз и следят, чтобы не соврал, не наскучил, и свободной от Ваксы рукой моя дочь как бы повторяет каждое движение моей новой истории про Ваксу, которая

тут же лежит, прижавшись к ее щеке, и придиричиво слушает, будто и в самом деле все это пережила и прекрасно знает!

Где она только не была в моих сказках – и на небесах, и в Африке, и под водой, но чаще всего в лесу, на поляне неподалеку от нашей дачи.

Поляна становилась нашими подмостками, сценой Ваксиной жизни. Здесь она встречалась с бурундучками, крокодилами, греческими богами, божьими коровками, и всегда в конце кто-то, если добрый, выручал ее и приносил Маше или сама Маша приходила на помощь.

Если подобный оптимистический финал удавался, дочка приподнималась с подушки, обнимала меня за голову и крепко-крепко целовала.

Награда, не всегда заслуженная, но чаще всего приятная, заставляла меня каждый вечер ждать, когда раздастся голос из детской: «Папа, а про Ваксу?»

И я шел, вернее, бежал за наградой. Так что мы втроем – Маша, я и Вакса – создали целый ночной фольклор, никем не записанный, утопленный даже в моей памяти, но имевший надежду всплыть когда-нибудь в памяти моей дочери. Вот было бы хорошо...

А теперь? Что нам делать теперь, когда Ваксы не стало, будто и не было никогда? Что нам делать теперь с невозможностью счастливых вечеров и сказок со счастливым финалом, что нам делать с нашим осиротевшим воображением?

Вот тут-то я и сказал жене:

– Надо найти точно такую, я звоню в Германию.

И позвонил. Но чудо не повторяется, второй такой игрушки не было, и мы понеслись по магазинам, вымаливая, выпрашивая, роясь в груде мягких игрушек, чтобы разыскать ее подобие, совершить чудо.

И мы его совершили.

Вакса нашлась, ну точь-в-точь такая же, только, как я уже писал, – золотистая, с длинным хвостом. Какая была.

Оставалось уповать на мое красноречие и Машино доверие ко мне. Вот тогда-то с торжествующим видом я и преподнес ей эту новую Ваксу и рассказал, сколько мучений я пережил, разыскивая ее по рынку, по всем торговым рядам, когда она попросту лежала под одним из прилавков на мешке картошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.